

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 229

17 августа 2023 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи З. районного суда города Москвы Ш. от 02 июня 2023 года № ... (вх. № ... от 06.06.2023) в отношении адвоката К. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

Квалификационной комиссией Адвокатской палаты города Москвы 19 июля 2023 года вынесено заключение:

– о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по обращению судьи З. районного суда города Москвы Ш. от 02 июня 2023 года № ... (вх. № ... от 06.06.2023), в части дисциплинарных обвинений в том, что он: 1) публично заявлял о своем недоверии суду и прокуратуре, 2) анализировал недостатки следствия, 3) обсуждал порочность полученных доказательств с целью дискредитации правоохранительной и судебной систем, 4) на замечания председательствующего не реагировал, 5) допускал выкрики с места, 6) пререкался с государственным обвинителем и председательствующим по делу, тем самым высказывая недоверие суду, 7) публично высказывал недоверие участвовавшей в деле адвокату Г., настаивая на подготовке ходатайства о нарушении ею права на защиту подсудимой С., которая не делегировала К. права на свою защиту, – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

– о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по обращению судьи З. районного суда города Москвы Ш. от 02 июня 2023 года № ... (вх. № ... от 06.06.2023), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат К., надлежащим образом уведомленный о дне, времени и месте рассмотрения настоящего дисциплинарного производства, в заседание Совета не явился, заявив ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие и выразив согласие с выводами заключения Квалификационной комиссии (вх. № ... от 15.08.2023).

Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие адвоката К., поскольку он своевременно получил заключение Квалификационной комиссии от 19 июля 2023 года, ознакомился с ним, в полном объеме согласился с ее выводами, просил рассмотреть дисциплинарное производство в его отсутствие, а положения п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривают, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Совет в полном объеме соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах.

Так, установлено, что в производстве 3. районного суда города Москвы находится уголовное дело № ... (...) по обвинению И. и других в совершении нескольких преступлений.

Защиту подсудимого И. в 3. районном суде города Москвы в соответствии с заключенным соглашением с 24 июня 2022 года осуществляет адвокат К. К уголовной ответственности по данному уголовному делу, помимо И., привлечены его дочь – С. и зять – С.М.

Давая оценку дисциплинарному обвинению во вмешательстве адвоката К. в защиту иных лиц, а именно С.М. и С., путем подготовки различных ходатайств, Совет приходит к выводу о его явной надуманности. Этот вывод подтверждается, в том числе и содержанием самого обращения, в котором отсутствует указание на конкретные нормы Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката, а также на нормы уголовно-процессуального законодательства, которые, по мнению автора обращения, были умышленно или по грубой неосторожности нарушены адвокатом К. указанными действиями.

Указание автора обращения на несовместимость таких действий адвоката К. с нормами ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката не меняет этого вывода, так как автором обращения не конкретизировано, какое из четырнадцати различных положений данной нормы было, по его мнению, нарушено адвокатом К. Одновременно с этим Совет отмечает, что ни одно из положений ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката не является относимым к обстоятельствам, изложенным в обращении судьи.

Высказанного автором обращения в общей форме указания на то, что действия адвоката К. по «активному вмешательству в осуществление защиты других подсудимых» прямо противоречат нормам Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса

профессиональной этики адвоката, также явно недостаточно, чтобы утверждать о совершении адвокатом К. какого-либо дисциплинарного проступка.

С учетом требований пп. 6 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также высокого профессионального статуса судьи (суда), в его обращении должны быть приведены, в том числе правовые основания привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, а именно – положения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, в том числе Кодекса профессиональной этики адвоката, которые, по мнению заявителя, были нарушены теми или иными действиями (бездействием) адвоката.

Несоблюдение судьей (судом) требований по правовой квалификации действий (бездействия) адвоката, равно как и неконкретность выдвинутых дисциплинарных обвинений и непредставление подтверждающих их доказательств, исключают саму возможность для дисциплинарных органов адвокатского самоуправления рассмотреть такое обращение по существу.

Кроме того, Совет отмечает, что при реализации судьей (судом) в соответствии с ч. 2 ст. 50 УПК РФ своих полномочий по обеспечению участия адвоката-защитника для лица, привлекаемого к уголовной ответственности, судья (суд) обладает правом на выдвижение в отношении такого адвоката дисциплинарного обвинения в случаях отказа назначенного защитника от принятой на себя защиты по уголовному делу и ненадлежащего выполнения им профессиональных обязанностей перед доверителем. Такое полномочие судьи (суда) в отношении назначенного по его поручению защитника основано на взаимосвязанных положениях ч. 1 и 2 ст. 48 Конституции Российской Федерации, гарантирующих каждому право на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе и бесплатно, в случаях, предусмотренных законом, а каждому задержанному, заключенному под стражу, обвиняемому в совершении преступления - право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения, и ч. 7 ст. 49, ч. 2 ст. 50, ст. 51 УПК РФ, регламентирующих вопросы участия защитника в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя и суда и недопустимость отказа адвоката от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого. Аналогичный подход применим и при реализации судьей (судом) полномочий по обеспечению участия адвоката в качестве представителя в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 54 КАС РФ и ст. 50 ГПК РФ.

Однако во всех случаях, когда адвокат-защитник или адвокат-представитель приглашается получателем юридической помощи или по его поручению (с его согласия) иными лицами, только доверитель адвоката, которому он оказывает юридическую помощь, вправе выдвигать в отношении него дисциплинарные обвинения, связанные с отказом адвоката-защитника от принятой на себя защиты и ненадлежащим оказанием юридической помощи.

Помимо этого, не могут быть признаны обоснованными обращения, основанные на оценочных суждениях заявителя о нарушении участвующим в судопроизводстве адвокатом прав других адвокатов, подсудимых, чья жалоба в соответствии с положениями пп. 1 п. 1 ст. 20 Кодекса является самостоятельным поводом для возбуждения дисциплинарного производства, равно как и прав иных участников судопроизводства, не лишенных возможности дать свою оценку профессиональному поведению адвоката, в том числе путем обращения в орган государственной власти, уполномоченный в области адвокатуры.

При этом никаких жалоб на указанные в рассматриваемом обращении действия (бездействие) адвоката К. со стороны его подзащитного И., а равно иных подсудимых по данному уголовному делу, а именно С. и С.М., а также их защитников в Адвокатскую палату города Москвы не поступало.

Дополнительно Совет отмечает, что п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, во взаимосвязи с положениями пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» наделяет защитника правом использовать любые не запрещенные законодательством Российской Федерации средства и способы защиты подсудимого.

Безотносительно доказанности или недоказанности факта подготовки адвокатом К. для подсудимых С. и С.М. проектов каких-либо ходатайств, Совет отмечает, что действующее уголовно-процессуальное законодательство, а равно какие-либо иные положения законодательства Российской Федерации не содержат запрета на совершение подобных действий адвокатом-защитником, тем более в том случае, если сами подсудимые не только не возражают против таких действий, а, напротив, полностью их одобряют и поддерживают.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу об отсутствии в действиях (бездействии) адвоката К. в части данных дисциплинарных обвинений нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Переходя к дисциплинарному обвинению в отношении адвоката К. в том, что он «публично заявлял о своем недоверии суду и прокуратуре, анализировал недостатки следствия, обсуждал порочность полученных доказательств с целью дискредитации правоохранительной и судебной системы, на замечания председательствующего не реагировал, допускал выкрики с места, пререкался с государственным обвинителем и председательствующим по делу, тем самым высказывая недоверие суду, публично высказывал недоверие участвовавшей в деле адвокату Г., настаивая на подготовке ходатайства о нарушении ею права на защиту подсудимой С., которая не делегировала К. права на свою защиту», Совет отмечает следующее.

С учетом требований пп. 6 и 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката при выдвижении в обращении, тем более исходящем от судьи (суда), дисциплинарных обвинений в использовании адвокатом фраз и

выражений, свидетельствующих о несоблюдении им манеры поведения, соответствующей деловому общению (п. 2 ст. 8 Кодекса), в проявлении неуважения к суду или в некорректности его высказываний (ч. 1 и 2 ст. 12 Кодекса), заявителю следует конкретно и дословно приводить данные фразы и выражения в тексте обращения и/или выделять их в тексте протокола судебного заседания либо в тексте составленных адвокатом процессуальных документов.

Однако автором рассматриваемого обращения данное требование полностью проигнорировано, а в подтверждение выдвинутых дисциплинарных обвинений автор обращения лишь в общей форме сослался на содержание протоколов судебных заседаний от 21 ноября 2022 года, 02, 09, 16, 27 февраля 2023 года, 01, 15, 22, 24 марта 2023 года и 12 апреля 2023 года, тем самым необоснованно переложив обязанность по определению и установлению заявлений и действий адвоката К., составляющих, по мнению автора обращения, дисциплинарный проступок, на органы адвокатского самоуправления, не наделенные полномочиями по самостоятельному формулированию дисциплинарных обвинений, не содержащихся в жалобе (обращении). Более того, п. 4 ст. 23 и п. 4 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката содержат прямой запрет Квалификационной комиссии и Совету выходить за пределы жалобы (обращения).

Помимо этого, Совет подчеркивает, что мотивированные заявления адвоката, участвующего в судопроизводстве, о недоверии суду и прокуратуре, анализ им «недостатков следствия» и «порочности полученных доказательств» составляют саму суть адвокатской деятельности, которая, вопреки ошибочному мнению автора обращения, направлена не на дискредитацию правоохранительной и судебной систем, а на защиту прав и интересов доверителя, достигаемую путем честного, разумного, добросовестного, квалифицированного, принципиального и своевременного исполнения адвокатом профессиональных обязанностей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами.

Совет также обращает внимание на то, что органы адвокатского самоуправления не считают для себя допустимым вмешиваться в вопросы определения адвокатом тактики защиты (работы по делу), поскольку адвокат по своему статусу, закрепленному законодательно (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), является независимым профессиональным советником по правовым вопросам.

В силу этого адвокат самостоятельно определяет тот круг юридически значимых действий, которые он вправе и обязан совершить в интересах доверителя на основании заключенного с последним соглашения об оказании юридической помощи. Общими ориентирами при этом для адвоката служат положения п. 2 ст. 2 и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также предписания соответствующего отраслевого (процессуального) законодательства.

Самостоятельное и независимое толкование закона является неотъемлемым правом адвоката как независимого советника по правовым вопросам.

Вопросы целесообразности подачи защитником тех или иных ходатайств, заявлений, замечаний относятся к вопросам тактики, в связи с чем сами по себе эти действия (бездействие) адвоката не подлежат оценке со стороны Квалификационной комиссии и Совета.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу, что в данной части дисциплинарных обвинений дисциплинарное производство подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Упомянутый в обращении факт заявления государственным обвинителем в судебном заседании 12 апреля 2023 года отвода защитнику подсудимого И. – адвокату К. по обозначенным в обращении основаниям не влияет на оценку профессионального поведения адвоката К., поскольку основания этого заявления, указанные государственным обвинителем и приведенные автором обращения, очевидно противоречат требованиям ст. 72 УПК РФ. По мнению Совета, такое заявление государственного обвинителя требовало реакции со стороны председательствующего судьи не в адрес адвоката К., а в адрес государственного обвинителя, посчитавшего возможным действовать вопреки требованиям уголовно-процессуального законодательства.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката К. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по обращению судьи З. районного суда города Москвы Ш. от 02 июня 2023 года № ... (вх. № ... от 06.06.2023):

в части дисциплинарных обвинений в том, что он: публично заявлял о своем недоверии суду и прокуратуре; анализировал недостатки следствия; обсуждал порочность полученных доказательств с целью дискредитации правоохранительной и судебной систем; на замечания председательствующего не реагировал; допускал выкрики с места; пререкался с государственным обвинителем и председательствующим по делу, тем самым высказывая недоверие суду; публично высказывал недоверие участвовавшей в деле адвокату Г., настаивая на подготовке ходатайства о нарушении ею права на защиту подсудимой С., которая не делегировала К. права на свою защиту, – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков